

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: ablazhey@philosophy.nsc.ru

ОТ СОВЕТСКОЙ К ПОСТСОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ: ВОСПРОИЗВОДСТВО НАУКИ В РОССИИ

В статье обосновано введение понятия «постсоветская наука» как продукта трансформации советской модели науки в новых социально-экономических и социокультурных условиях. Показано, что переход науки на постсоветскую стадию закономерно вызывает существенную трансформацию системы ценностей и профессиональных приоритетов российских ученых, с учетом чего в ближайшем будущем произойдет заметное изменение облика российского научного сообщества.

Ключевые слова: советская наука, постсоветская наука, этос науки, глобализация, адаптация.

В современной России наука – понимаемая в данном случае как: а) социальный институт и б) научное сообщество – находится в совершенно иной социоэкономической и социокультурной ситуации, в ином глобальном контексте, чем, скажем, двадцать лет назад. В силу этого факта анализ проблемы *воспроизводства науки* приобретает комплексный характер и сегодня следует говорить не только о факторах и количественных показателях сугубо кадрового воспроизводства или дисциплинарного деления российской науки, но и о специфике воспроизводства ее места в системе социальных институтов и положения в социальной иерархии, месте профессии ученого на шкале социальных приоритетов и т. д. Очевидно также, что следует подвергнуть тщательному анализу причины и механизмы изменения базовых профессиональных ценностей, благодаря которым происходит адаптация научного сообщества России к происходящим переменам, выяснить, существуют ли в реальности подобного рода изменения, и если да, то каковы динамика процесса, его движущие силы, куда направлен вектор происходящих изменений и насколько радикальны будут их последствия.

Термин «воспроизводство» по отношению к исследуемому нами объекту выбран

вполне сознательно, поскольку позволяет провести сравнительный анализ прошлого и настоящего российской науки, оценить всю сложность и неравномерность идущих в ней процессов на переходе от советской стадии развития к постсоветской. По словам Г. А. Ястребова, изучавшего, как воспроизводятся в России социально-профессиональные группы, понятие «воспроизводство» означает, что исследуемый объект «циклически воссоздается и развивается за счет связей и обмена с внешней средой. Поскольку среда может быть либо относительно неизменной, либо изменяться, то и воспроизводство может осуществляться или как инвариантное, или как преобразующее объект от цикла к циклу, вплоть до изменения его отдельных сущностных свойств» [2009. С. 117]. Известный науковед Е. В. Семенов, анализируя ситуацию в отечественной науке, вполне уверенно оперирует термином «воспроизводство», утверждая, в частности: «если говорить о воспроизводстве национальной научной системы в ее человеческой составляющей, то у нас она не воспроизводится. По крайней мере, она не воспроизводится в масштабе простого воспроизводства» [Российская наука..., 2004. С. 5].

Говоря о воспроизводстве науки как социального института, который оказывает,

исходя из институциональной теории, решающее влияние на стереотипы поведения и профессиональные ценности своих членов, необходимо понять, насколько адекватны реальности идеи ряда ученых, которые отрицают его определяющее влияние на поведение членов научного сообщества. Так, Д. А. Александров, описывая феномен научных школ с точки зрения теории социальных сетей, пишет: «Не наука как социальный институт формирует ученого, предлагая (приписывая) ему роли, но ученый в своей повседневной деятельности создает то, что мы называем наукой. Наука в господствовавшей долгое время традиции рассматривается как социальный институт с заданными параметрами, с определенными нормами, которым следуют ученые, вся социальная деятельность которых направлена на успешное функционирование института науки» [1998. С. 12].

Имеющиеся в нашем распоряжении эмпирические данные убедительно свидетельствуют, что подобного рода утверждения слишком категоричны. Если взять данные социологических исследований научного сообщества России (речь идет о результатах социологического мониторинга Новосибирского научного центра и региональных научных центров Сибири, проводимого начиная с 1992 г. группой ученых Института философии и права СО РАН) в той их части, которые касаются научной молодежи, то становится совершенно понятно, что молодые ученые, как правило, вполне адекватно усваивают правила функционирования, ценности и стереотипы научного сообщества, делая их *своими* и воспринимая как *свои*, даже несмотря на то, что многие из них возникли и утвердились в *другое* время и в *других* экономических и идеологических условиях. Другое дело, что традиционные для советской науки ценности и стереотипы, тем не менее, также существенно трансформировались в последние два десятилетия, прежде всего в силу изменившихся социально-экономических условий функционирования института науки в России. В силу этого наиболее продуктивно обращение к социальной истории науки в России, в частности, апелляция к советскому периоду развития науки в нашей стране, попытки найти в недавнем прошлом истоки специфики современной российской науки (см., в частности, работы Б. Г. Юдина: [1990; 1993]).

В этой связи встает вопрос о том, насколько жизненно понятие «советской» науки, насколько точно оно отражает суть той научной системы, которая существовала в СССР до начала 1990-х гг., какого рода трансформации, главным образом с точки зрения сугубо ценностного содержания, оно претерпело с того времени, насколько живучи не только сам термин, но и содержание, в него вкладываемое. Поставленный таким образом вопрос не имеет очевидного ответа. Во всяком случае, следует ожидать, что подобно таким социальным институтам как религия или образование, наука также окажется весьма консервативным феноменом, с трудом поддающимся преобразованиям. То, что многие (даже большинство) ученых, особенно в небольших – локальных – научно-образовательных центрах (Кызыл, Абакан, Горно-Алтайск) выступают против коммерциализации науки, говорит о том, что наука как социальный институт обладает собственной логикой развития, не всегда (или, во всяком случае, не во всем) совпадающей с теми трансформациями, которые переживает общество в целом. Те же закономерности срабатывают и на примере зарубежной науки. Канадский исследователь Р. Кэмпбелл (R. Campbell), трактуя подготовку нового поколения ученых как социальный процесс, справедливо утверждает, что «как и в случае с другими социальными группами, процессы социализации и адаптации к культурным нормам являются центральным аспектом конституирования науки. Если мы хотим добиться верного понимания науки – как чего-то такого, что создано людьми – мы должны добиться точного понимания того, как культура воспроизводит себя» [Campbell, 2003. P. 897]. Другими словами, лежащие в основе науки как социального института фундаментальные ценности могут быть поняты только в ее рамках, при этом культура понимается в первую очередь как специфический для науки этос. И в этой связи продуктивно обращение к классической нормативной модели в русле мертоновской традиции.

Важное значение в контексте исследуемой проблемы воспроизводства науки приобретает выстраивание типологии научных и научно-образовательных центров в России и проведение сравнительного анализа проблемы их воспроизводства. В самом общем виде схему такой типологии (на примере

Сибирского региона) можно представить в следующем виде: 1) крупный научный центр, имеющий мощную образовательную компоненту (Новосибирский научный центр); 2) научный центр регионального значения, в комплексе с рядом крупных региональных вузов (Томск, Красноярск, Омск); 3) научно-образовательный центр, работающий прежде всего на нужды конкретной территории, в первую очередь в области подготовки кадров и сохранения национального культурного наследия, в том числе интеллектуальной элиты (Горно-Алтайск, Абакан, Кызыл).

Рассмотрение проблемы воспроизводства науки в России следует осуществлять в контексте тех процессов, которые характерны для науки в мире в целом, в частности, имея в виду то обстоятельство, что отношение общества к науке и людям науки не воспроизводится в прежнем виде и наука, наряду с образованием, все полнее включается в рыночные правила игры. По мнению А. П. Огурцова, «...наука переживает не лучшие времена. К сожалению, наука перестает быть вектором, который стягивает все области культуры... Наука перестает быть ядром культуры...» [2002. С. 5]. Не стоит также забывать о том, что наука требует достаточно специфических условий для своего нормального функционирования. И речь не только о внимании со стороны государства или спросе промышленности на научные разработки. В первую очередь здесь следует говорить о фундаментальной науке, которая, как «весьма хрупкий и ранимый социальный институт... требует для своего полноценного развития целого ряда трудно выполнимых условий, прежде всего политической стабильности и высокого уровня образования» [Несветаилов, 1995. С. 34].

Важное значение приобретает проблема социального выбора – почему наука уходит с первых ролей в ряду социальных приоритетов. Возможно, правы те исследователи, которые утверждают: наука просто не может предложить чего-то принципиально нового, за что общество (в самом широком смысле, а не только государство) готово было бы платить¹. Когда вообще наступает

этот этап: еще вчера общество готово было платить как угодно много за науку, не особо вникая в то, за что оно платит огромные суммы, а сегодня нет. Необходимо учитывать, что это специфика не только постсоветского общества, но большинства стран, и в данных условиях научное сообщество уже не воспроизводит прежнюю риторику и аргументацию для собственной самозащиты и внедрения выгодной ему идеологии (в этой связи очень любопытны доклады президентов Американской Академии Конгрессу). Может быть, дело в слишком большом отрыве науки от повседневных практик, и это находит свое отражение в том, что общество готово платить науке только тогда, когда она будет работать на удовлетворение повседневных нужд этого общества. Не исключено также, что суть дела – в сильном усреднении (нивелировании) интеллектуального уровня современного общества, отсюда – перед наукой уже нет прежнего пиетета, т. е. нельзя говорить о воспроизводстве отношения к науке на уровне массового сознания. Но если мы обратимся к локальным сообществам, там отношение к науке и фигуре ученого (мудреца?!) изменилось не так сильно.

Другой важнейший аспект проблемы воспроизводства науки как социального института, и российской науки в том числе: феномен национальной науки и глобализация. По мнению М. Кастельса, «научное сообщество было всегда в значительной степени международным, если не глобальным сообществом ученых, на Западе начиная с времен европейской схоластики»; что же касается современной ситуации, то в наши дни «академическая исследовательская система глобальна. Она опирается на неустанную коммуникацию между учеными во всем мире... наука организуется из определенных областей исследования, структурированных вокруг сетей исследователей, взаимодействующих посредством публикаций, конференций, семинаров и академических отношений... [более того] *научно-исследовательская работа в наше время или происходит глобально, или перестает быть научной*» (курсив мой. – А. А.)². М. Франк-

¹ Кордонский С. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки. 2002. № 7. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=383>

² Кастельс М. Информационное производство и селективная глобализация науки и техники. URL: http://www.alternativy.ru/magazine/htm/01_4/netecon.htm#_ftn1

лин (М. Franclin), изучая проблемы глобализации науки на примере Европы, пришел к выводу, что уже «...можно говорить о существовании подлинного сообщества науки в Европе, переступающего дисциплинарные и национальные границы. И страны, и дисциплины связаны между собой различными формами сотрудничества и образования. Ученые большинства дисциплин имеют тесные контакты со своими коллегами в шести или более европейских стран... Благодаря высокой степени сотрудничества европейские ученые прекрасно осведомлены о работе своих коллег в других странах и их достижениях». В конечном же итоге «взаимодействие, сотрудничество в целом и международное сотрудничество в частности играют важную роль в освобождении научного потенциала от ограничений институционального и национального характера» [Franclin, 1988. P. 48, 62].

В известной мере глобализация науки стала ответом на усиление антисциентистских настроений в обществе и прагматизма в отношении результатов научных исследований. Подобная ситуация привела к тому, что несколько лет назад ряд американских авторов выдвинули и обосновали идею создания всемирной консолидированной организации по проблемам науки, когда ученые разных стран становятся гражданами «наднациональной республики науки», которая должна иметь соответствующий механизм управления и координации исследований в мировом масштабе.

Один из важнейших признаков глобализации науки – чрезвычайное усиление академической мобильности. Для мировой науки становится нормой, когда ученый в течение своей профессиональной биографии меняет не только города, университеты и научные центры, но зачастую и страны, где работает. Отражением такой тенденции стало принятие на международном уровне ряда основополагающих документов, призванных сделать наднациональную «республику ученых» реальностью, зафиксировав основополагающие принципы поведения ее членов. Речь идет прежде всего о «Хартии научных работников», «Декларации прав и обязанностей ученых», «Рекомендациях о статусе научных работников».

Все более активное участие в данном процессе начинает принимать и Россия. На

государственном уровне в основных чертах сложилось достаточно четкое представление о том, что такое глобальная наука и какое место в этом процессе занимает (и должна занимать в ближайшем будущем) Россия. В соответствии с этим пониманием разрабатывается и стратегия вхождения России в пространство глобальной науки, нашедшая отражение в «Концепции государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества», появившейся в 2000 г. В этом документе констатируется, что «...современные геополитические и экономические процессы... характеризуются тенденциями глобализации и интеграции мировой экономики, широким использованием информационных технологий, формированием нового типа экономики XXI века – “экономики знаний”, или инновационной экономики, интернационализацией исследований, разработок и наукоемкого производства, обострением глобальной конкуренции на мировых рынках инвестиций, наукоемких товаров и услуг». Исходя из подобного понимания, в качестве стратегической ставится задача «выработки в рамках отношений со странами – членами “восьмерки” и Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) стратегии регулирования глобальных интеграционных процессов в области науки, технологий и инноваций. Нарращивание сотрудничества с ведущими в научно-технологическом отношении государствами (США, ФРГ, Япония, Франция, Великобритания и др.) с целью получения новых знаний по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных наук, укрепления позиций отечественных научных школ в мировой системе разделения труда в области науки, участия в решении глобальных проблем современности и осуществления проектов меганауки, применения зарубежного опыта для реформирования российской науки». В целом на ближайшую перспективу в качестве основных задач государства в области международного научно-технического сотрудничества поставлены следующие: «сохранение и развитие научного и инновационного потенциала...; создание экономических условий востребованности науки; регулирование процесса миграции научных кадров; развитие территорий с высоким научно-технологическим потенциалом; участие российской

науки в решении глобальных проблем человечества»³.

Как показали наши исследования, сегодня можно говорить об *особенностях* российской науки в контексте глобализационных процессов. Моделируя ситуацию, что могла бы означать глобализация науки, мы получили следующий набор признаков: психологическая готовность и соответствующий уровень квалификации, необходимые для того, чтобы стать членом интернационального исследовательского коллектива; наличие личного капитала в виде опыта работы за рубежом и знания особенностей функционирования сферы зарубежной академической и прикладной науки, прежде всего умение находить источники финансирования; востребованность имеющихся и перспективных результатов со стороны зарубежных коллег; и т. д. Проведенные нами по данным параметрам исследования научного сообщества ННЦ позволили найти убедительные доказательства того, что темпы вхождения отечественной науки в мировое научное сообщество достаточно высоки, резко возросла и психологическая готовность к работе за границей. Увеличился спрос на российских ученых за рубежом, в первую очередь в Европе, что нашло отражение в увеличении числа исследователей, работавших за границей по персональному приглашению зарубежных коллег; при этом совместные исследования проводятся, как правило, либо в университетских подразделениях, либо в академических научных центрах, занятость в частной фирме по-прежнему остается малораспространенной. Растет число отечественных коллективов и фирм, включенных в процессы аутсорсинга, прежде всего в сфере IT-технологий [Аблажей, 2005. С. 93].

Полученные в ходе социологического мониторинга Новосибирского научного центра данные также весьма убедительно подтверждают описанные выше тенденции. Результаты социологических опросов ученых ННЦ показали: за последние годы заметно выросло число тех ученых, которые проработали за рубежом более 2 лет: если в 1996 г. по ННЦ их было ничтожно мало,

менее одного процента, то к 2004 г. – уже более 9 % от числа тех, кто побывал за рубежом, т. е. в 10 (!) раз больше. Как пишет наш соотечественник, живущий ныне в США, «Прислушайтесь к разговорам в Гарварде и Оксфорде, на Елисейских Полях и Пиккадилли, пройдитесь по коридорам любого института в Германии или компьютерной фирмы в Силиконовой долине – и вы услышите русскую речь» [Магаршак, 2003].

Другой, не менее важный вопрос заключается в том, какое место занимает российская наука на формирующейся сегодня научной карте мира. Здесь сравнения отнюдь не нашу пользу. В вышедшем в начале 2010 г. аналитическом докладе британских экспертов «Россия. Исследования и сотрудничество в новой географии науки» утверждается, что ведущие отрасли науки в России – это «науки XX века» (физика, космонавтика), тогда как в XXI столетии на первый план выходят науки о жизни и окружающей среде. Кроме того, быстрое развитие сферы фундаментальных исследований в таких странах, как Бразилия, Индия и Китай, уже в ближайшем будущем изменит географию центров знания в мире в целом⁴.

В заключение отметим: переход науки на постсоветскую стадию закономерно вызывает пусть постепенную, но весьма существенную трансформацию системы ценностей и профессиональных приоритетов российских ученых, в первую очередь молодых, что, в свою очередь, наталкивает на вывод о том, что уже в ближайшем будущем произойдет заметное изменение облика российского научного сообщества, все более и более теряющего признаки сугубо нерыночного образования и постепенно адаптирующегося к новой ситуации в социальном окружении и в функционировании самой науки, имея в виду схему финансирования, структуру исследований, трансформацию взаимоотношений не только отдельных ученых, но и коллективов как на уровне секторов и лабораторий, так и целых институтов. Другими словами, сегодня воспроизводство науки как социального института и той сложной системы взаимоотношений, кото-

³ Концепция государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества. URL: [www.csr.ru / Public/ Others/ Conception1.htm](http://www.csr.ru/Public/Others/Conception1.htm)

⁴ Russia. Research and collaboration in the new geography of science. Thomson Reuters. 2010. URL: <http://science.thomsonreuters.com/info/grr-russia>

рая вокруг нее выстраивается, происходит в качественно иных условиях, при том, что важнейшие тенденции, складывавшиеся с середины 1990-х гг., когда, собственно, и началась масштабная реформа российской науки, продолжают сохранять свое значение и сегодня, что касается в первую очередь схемы финансирования исследований. Одновременно усиливается недоверие к проводимой государством научной политике.

Список литературы

Аблажей А. М. Глобализация науки и российское научное сообщество (на примере Новосибирского научного центра) // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 1. С. 90–94.

Александров Д. А. Научные школы как социальные сети // Академические научные школы Санкт-Петербурга. СПб., 1998. С. 11–18.

Магаршак Ю. Слухи о кризисе нашей науки не соответствуют действительности // Известия. 2003. 7 февр.

Несветайлов Г. А. Центр-периферийные отношения и трансформация постсоветской науки // Социол. исследования. 1995. № 8. С. 26–40.

Огурцов А. П. Философия восполняет пробелы // Университетский проспект. 2002. № 9 (28). 27 нояб.

Российская наука и молодежь. Материалы «Круглого стола» // Вопр. философии. 2004. № 8. С. 4–43.

Юдин Б. Г. Социальный генезис российской науки // Вопр. философии. 1990. № 12. С. 16–30.

Юдин Б. Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 83–106.

Ястребов Г. А. Воспроизводство социально-профессиональных групп в современной России // Мир России. 2009. № 2. С. 116–140.

Franclin M. N. The Community of Science in Europe: Preconditions for Research Effectiveness in European Community Countries. Brussels, Luxembourg, Gowec, 1988. P. 44–67.

Campbell R. A. Preparing the Next Generation of Scientists: The Social Process of Managing Students // Social Studies of Science. 2003. No. 33/6 (December). P. 898–927.

Материал поступил в редколлегию 10.06.2011

A. M. Ablazhey

FROM SOVIET TO POST-SOVIET MODEL: REPRODUCTION OF SCIENCE IN RUSSIA

The article justifies the introduction of the concept of «post-Soviet science» as a product of transformation of the Soviet model of science in the new socio-economic and sociocultural conditions. It is shown that the transition of science to the post-Soviet stage naturally causes a significant transformation of values and professional priorities of Russian scientists, which in the near future will result in a noticeable change in the look and image of the Russian scientific community.

Keywords: Soviet science, post-Soviet science, the ethos of science, globalization, adaptation.